

ГРНТИ 02.41.51
УДК 130.3: 159.99

Е. Л. Яковлева
КИУ им. Тимирьясова, Казань
E. L. Iakovleva
KIU named after V. G. Timiryasov, Kazan

**ЭКЗИСТЕНЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ
EXISTENTIAL BASIS OF EVERYDAY
IN PANDEMIC CONDITIONS**

В статье анализируются некоторые аспекты повседневности современной личности, неожиданно оказавшейся в условиях пандемии, вызванной коронавирусной инфекцией. Стабильность бытия оказалась нарушенной, спровоцировав появление боевого стресса и страхов. Их интенсивность позволяет говорить о страховенности современного существования. Пограничность бытия-при-встречном-опасном-сущем способствует переоценке ценностей и жизненных доминант. Перечисленное буквально заставляет личность проявить заботу о себе в виде рационального действия, направленного на сохранение здоровья и жизни.

The article analyzes some aspects of the everyday life of a modern person who unexpectedly finds himself in a pandemic caused by a coronavirus infection. The stability of being was disrupted, provoking the appearance of combat stress and fears. Their intensity allows us to speak about the fearfulness of modern existence. The borderline of being-in-the-oncoming-dangerous-existence contributes to the reassessment of values and life dominants. The aforementioned literally makes a person take care in the form of a rational action aimed at preserving health and life.

Ключевые слова: COVID-19, пандемия, повседневность, боевой стресс, переживание, страх, забота, вера.

Key words: COVID-19, pandemic, everyday life, combat stress, re-living, fear, concern, faith.

Инновативность, динамичность и изменчивость современного мира таят в себе довольно большое количество угроз с неизвестным финалом, что влияет на метафизику личности и безопасность ее пространств. Накопительный эффект негативного воздействия на окружающую природу привел к мощному сбоя в единой цепочке жизни. Катастрофические изменения в мире флоры способствовали трансформациям в фауне, что отразилось на бытии людей. Сегодня можно говорить об обратном действии. Все большее количество угроз сегодня оказываются довольно ощутимыми. При этом отрицательное влияние внешней среды на общество оказывается по фактичности – реальным и непосредственным, по расстоянию – близким, по силе – мощным, по продолжительности – затяжным. Сами люди по-разному реагируют на опасные вторжения, нарушающие комфортность их пространств: одни – игнорируют, другие – (сознательно/бессознательно) воспринимают, но не задумываются об их воздействии на жизнь, третьи – пытаются осмыслить и найти выход из ситуации.

Среди наиболее значимых угроз последнего времени стал новый вирус COVID-19 (*CO*rona*VI*rus *D*isease 2019), первоначально передавшийся от животных к человеку. Этот вирус классифицирован как респираторная инфекция, вызывающая опасное заболевание – острый респираторный синдром или атипичную пневмонию. Заболевание может протекать в бессимптомной, легкой, средней и тяжелой формах. Вирулентность вируса превратила его в *хозяина положения* в социокультурном пространстве, сделав людей (пока) беспомощными перед ним. Выход на авансцену истории вируса COVID-19 стал поворотным моментом в *текущей современности* (З. Бауман), погрузив людей в состояния хаоса и растерянности. Перед человечеством встала масштабная проблема, обладающая философским измерением и выводящая на вопрошание о смысле бытия. В связи с перечисленным объектом исследования стала повседневность личности, живущей в условиях пандемии.

Материалы и методы. Проблема исследуется на основе экзистенциального анализа и включенного наблюдения. Методологической основой исследования стали идеи М. Хайдеггера, С. Кьеркегора, В. В. Бибихина, помогающие раскрыть особенности экзистенциальных состояний личности в условиях пандемии.

Результаты. Повседневная жизнь современного человека вышла из-под его контроля. Появившийся вирус COVID-19 разрушил устойчивость жизни, заставил поменять планы и даже осуществить переоценку ценностей. Привычный уклад (психической/интеллектуальной/трудовой/развлекательной) жизни изменился, заставив каждого подчиняться мерам, вводимым со стороны государства. Даже перманентные кризисы не вызывали такого мощного резонанса, как вирус COVID-19 и связанное с ним заболевание.

Пролонгированный и «отложенный эффект» после заболевания коронавирусной инфекцией, обусловленный поражением внутренних органов и нарушением жизнедеятельности, свидетельствует о непредсказуемых рисках и опасностях вируса. Люди, перенесшие тяжелую форму инфекционного вирусного заболевания, испытывают *посттравматическое стрессовое расстройство*. Его спровоцировала больничная атмосфера, в которой они пребывали. В реанимации их окружали врачи и медицинский персонал, одетые в специальные скафандры с масками, рядом лежали тяжелые больные, некоторые из которых умирали на их глазах. Многие клинические психологи приравнивают этот стресс к разновидности *боевого стресса*. Его психотравматизация имеет пролонгированный эффект, истоком которого является нейротоксичность самого вируса COVID-19. Пока не найдено быстрых и эффективных методов борьбы с заболеванием, поэтому потенциально каждый становится объектом для медицинских наблюдений и даже опытов.

При этом необходимо признать, боевой стресс начинают испытывать не только переболевшие, но и те, кто ежедневно испытывает страх заразиться вирусом, заболеть и попасть/не попасть в инфекционное медицинское учреждение. Их повседневная жизнь сопровождается неопределенностью и тревожностью. Последняя проявляется не только в постоянном беспокойстве за собственное здоровье и ожидании заболевания, но и связана с изменением привычного течения жизни. Индивид начинает самостоятельно вводить разного рода ограничения в свой образ жизни, избегая передвижений на большие расстояния, активного отдыха, походов в кино/театр/музей, общения с людьми и пр. В его жизни наблюдается постоянная тревога за себя и окружающих людей, контроль самочувствия и панические настроения, вызванные изменениями в социокультурном пространстве. Крайними проявлениями боевого стресса можно назвать депрессивные состояния, пессимизм, понимание бесперспективности дальнейшего существования.

Человечество оказалось в замешательстве, не найдя эффективных мер борьбы с вирусом. Поворотные времена затянулись, погружая людей в пучину безвременья. Не последнюю роль в нагнетании ситуации катастрофы сыграли СМИ. Новостные выпуски, документальные очерки, демонстрируемые художественные фильмы-катастрофы интенсивно усугубляют атмосферу сегодняшней ситуации, рождая неуверенность в завтрашнем дне, ощущение безвыходности/беспомощности и тревожные состояния.

Появление вируса COVID-19, знание о его разрушительном воздействии на организм человека, затянувшаяся пандемия, тиражирование СМИ информации о случившемся заставило людей принять тезис о вредности коронавируса, разрушающем целостность присутствия личности в бытии, что открыло перед их воображением бездну Ничто. Жизнь человека после объявленной во всем мире пандемии разделилась на бытие-до, бытие-при-встречном-опасном-сущем и ожидание бытия-после. Оказавшись в ситуации пограничности – бытии-при-встречном-опасном-сущем – индивид погрузился в *пере-живание*, что свидетельствует об истинности его бытия. Пере-живание есть показатель включенности в жизнь, поэтому в нем присутствует интенсивность восприятия бытийного богатства со всем многообразием оттенков и градаций. Благодаря пере-живанию в ситуации напряженной пограничности личность начинает чутко ощущать пульсацию жизни, ценность ее мгновений и важность правильного выбора. Как заметил В. В. Бибихин, «если мы, живые, знаем, или чувствуем, или нам кажется, что мы знаем и ценим жизнь, то мы должны и знать, когда жизни больше, когда она выше и когда наоборот» [1]. Пере-живание помогает упрочить жизненные связи и услышать «превосхождение жизнью ее самой» [1].

Другое дело, что в состоянии пере-живания индивида тяготит ситуация *ожидания* его конкретной встречи с устрашающим – вирусом

COVID-19, которая находится в статусе возможности: «*феномен еще-не, выведенный из вперед-себя*» заставляет остро почувствовать и осознать *бытие-к-концу* [2, с. 219]. Ожидание *заступания в возможность* встречи с вирусом становится тягостнее с каждым днем. Сама возможность оказывается одним из тяжелейших феноменов в бытии личности, открывая простор для воображения.

Иррациональность и эмоциональность восприятия ситуации породила почву для *страха*. Возрастающая с каждым днем сила его воздействия на личность оказывает подавляющее влияние, увеличивая безнадежность и понимание «затерянности в повседневности человеко-самости» [2, с. 225]. Ожидание разрешения ситуации становится тягостным и невыносимым, меняя оптику мировидения и восприятия информации. Личность буквально парализует информация о масштабе пандемии, увеличивающейся смертности от заболевания и количестве непредсказуемых последствий, которые пока не поддаются точному прогнозированию и диагностированию.

Страхогенность повседневного бытия обнажила его финализацию – бытие-к-концу, открыв понимание, что смерть есть «бытие к концу из основоустройства присутствия» [2, с. 206]. Как справедливо подчеркнул М. Хайдеггер, «крайнее еще не имеет характер чего-то, к чему присутствие имеет *отношение*», «конец присутствию предстоит», где «смерть не нечто еще не наличное», а «скорее *предстояние*» [2, с. 206]. Постоянное нахождение смерти вблизи бытия-при-встречном-опасном-сущем и ее возможность каждое мгновенье/*вдруг* «обнажают экзистенцию, фактичность и падение присутствия» [2, с. 206]. Испытывая ужас от осознания конечности собственного бытия, индивид оказывается в ситуации, где он вручен самому себе в страхе перед ожидаемым событием.

Необходимо признать, в повседневности личность относится к смерти довольно отстраненно и даже отчужденно, как к «неопределенному нечто, которое как-то должно случится где-то», но конкретно ей не угрожает [2, с. 210]. Как правило, в обычных условиях жизнь протекает в *прячущем-ся уклонении от смерти*, в бегстве от нее: бессознательно/сознательно «люди не дают хода мужеству перед ужасом смерти» [2, с. 211]. Хотя «ужасное, гибель, уничтожение живут поблизости от каждого человека» [3, с. 232].

Можно обнаружить позитивные мотивы страха в современной ситуации. Он научает индивида страшиться реальному, что возвращает личное величие. Дело в том, что в страхе обнаруживается судьба человека, что заставляет его проявлять мужество и следовать заданному. Об этом писал С. Кьеркегор: «чем глубже человек пребывает в страхе, тем более он велик» [3, с. 230]. Подобный страх воспитывается адекватным отношением к реальности, рационализмом и верой в себя/будущее.

В драматичной ситуации пандемии, обнажающей страховенность бытия, личность уединяется, а ее «одинокость есть способ размыкания “вот” для экзистенции» [2, с. 225]. Уединение заставляет превратить личное присутствие в понимающее и осознанное со-бытие. От такого модуса включенности в бытие оказывается невозможным убежать, потому что «смерть есть всегда лишь своя» [2, с. 227]. Индивид в экстремальных условиях выживания поставлен перед решением проблем повседневного собственного бытия. При этом на первый план выходят вопросы смысло-жизненного характера и их ценностного измерения. «Заступание в безотносительную возможность вталкивает заступающее в нее сущее в возможность, исходя из самого себя принять свое бытие от самого себя» [2, с. 225]. Смерть как возможность бытия (по М. Хайдеггеру, бытийная возможность присутствия) ярко демонстрирует личности ее брошенность в мир. Обнажая понимание *больше-не-способности-присутствовать*, смерть открывает всю панораму ужаса, что ставит индивида «перед собой в его *самой своей* способности быть» [2, с. 207].

Необходимо помнить, бытие-в-мире представляет собой *заботу о себе* и своем окружении как *уже-бытие-вперед-себя-в-мире* (М. Хайдеггер). Именно «бытие к смерти основано в заботе» в виде «нацеленности на возможное как озабочение его осуществлением» [2, с. 219, 221]. Забота играет роль первичной опоры. Она заставляет озаботившегося заботливостью «быть самим собой, но собой в страстной, отрешившейся от иллюзий людей, фактической, в себе самой уверенной и ужасающейся свободе к смерти» [2, с. 229]. Испытывая страх перед уходом из жизни, человек начинает по-иному смотреть на себя и окружающий мир, переоценивать жизненные доминанты и даже изменять направленность движения. Перечисленное представляет собой действенный уход от состояния *не-по-себе*, связанного с осознанием собственного бытия к смерти.

Забота помогает сохранить индивидуальную целостность в присутствии, в том числе в бытии-при-встречном-опасном-сущем. Подобная забота предполагает действие с разнообразными подручными средствами, демонстрируя имение-дела в бытии в виде реального/осуществленного. Среди забот о жизни можно выделить и внешние, и внутренние силы. Так, ученые и врачи (внешняя сила) ищут эффективные пути и методы лечения людей, разрабатывают вакцины и лекарственные препараты для создания физиологических барьеров. Сама личность (внутренняя сила) на психическом уровне должна создавать психологические барьеры, связанные с противостоянием манипуляциям страховенностью жизни и сопротивлением паническим настроениям.

Особую роль в качестве психологического защитного механизма играет *вера*. Она вселяет «внутреннюю уверенность, которая предвосхищает бесконечность» [3, с. 233]. Именно вера оказывается точкой опоры, внося в повседневность личности гармонию, обретение покоя, помогая

сохранить самообладание и даже проявить счастье. Личная вера не позволяет быть обманутым и поддаваться паническим настроениям, вселяет одухотворенность и желание продолжать путь в бытии.

Заключение. Современная пандемия, связанная с распространением по всему миру заболевания, вызванного вирусом COVID-19, показала беспомощность человечества, хрупкость жизни и невозможность нахождения быстрого Ответа на Вызовы бытия. Непредсказуемость проявлений вируса в организме человека, высокий уровень смертности среди заболевших, нагнетание информации в СМИ подвергли каждого боевому стрессу и сделали повседневность личности страховоопасной. Индивид, осознавая свое бытие-к-смерти, стал беспомощным и растерянным, погрузившись в ожидание встречи с устрашаемым (вирусом COVID-19) в пучину безвременья и хаоса. Драматические обстоятельства создают почву для переосмысления жизни и ее ценностей, действия, направленного на сохранение здоровья, что играет роль заботы. В последней особое место принадлежит вере, помогающей сохранить спокойствие в повседневной жизни индивида.

Библиографический список

1. Бибихин В. В. История современной философии (единство философской мысли). – URL: http://bibikhin.ru/istorii_sovremenoy_filosofii/
2. Хайдеггер М. Экзистенция страха и бытие к смерти // Ж. Делюмо, Ж. Батай. Пустота страха. – М.: Алгоритм, 2019. – С. 168–229.
3. Кьеркегор С. Страх – это возможность свободы // Ж. Делюмо, Ж. Батай. Пустота страха. – М.: Алгоритм, 2019. – С. 230–239.